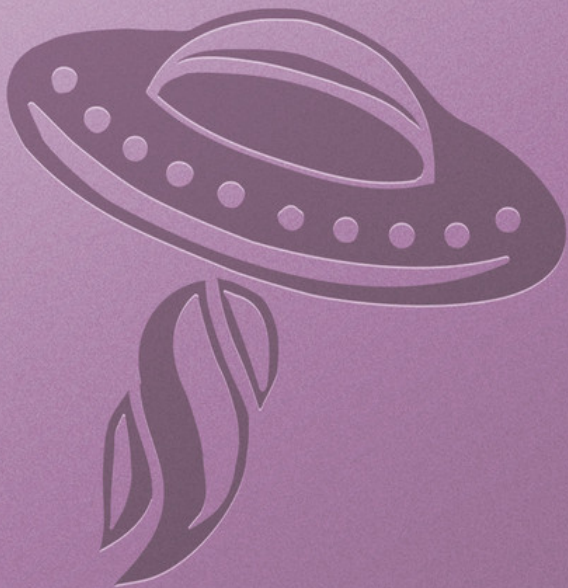


Святослав Логинов

Тени большого города



Святослав Логинов
Тени большого города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144954

Святослав Логинов

Тени большого города (экскурсия с препятствиями)

«Послушивай!..» – эхо прозвучавшего двести лет назад крика мечется в подворотнях, ударяется о глухие стены, стоячей волной дрожит в дворах-колодцах. Кто умеет, услышит его не только сейчас, но и через сто лет. Город полон голосов, главное – отделять умерший звук от живого. Но даже умелец с чутким ухом не различит звука шагов бегущего Авалса. Кьяновские кроссовки касаются тротуара совершенно бесшумно. Бежишь и сам себя не слышишь.

«Посматривай!..» – а кому посматривать? Хоть все глаза прогляди в ночную ясность – а его не разглядишь. Увидать – дело не хитрое, а ты разгляди, когда всё кругом тает в обманном свете, смущает чувства и блазнит беспомощный разум. Человек ходит по городу, распахнув очарованные глаза, смотрит, видит и не осознаёт. Вот мелькнуло что-то – и нет ничего, да и как могло мелькнуть, если света кругом – хоть газету читай, хоть подбирай иголки? Неподвижность царит, живая, спящая. Недолгие полчаса ночи – его время. Над головой не заря, не зарево, а просто свет, пока ещё жемчуж-

ный. Жемчуг – прекрасный камень невинного обмана. Пронзительно светлый и непроницаемый для взгляда. Красивее всего блестит жемчуг в обманном пламени свечей, когда он не даёт тени. А во время белой ночи жемчуг не виден, кажется простым окатышем, внучатым племянником гранитных монолитов, одевающих Неву.

Теперь Авалс бежал по набережной, скользя кроссовкой по слизи камня. Гранит безучастно терпел прикосновения. Сколько грубых человеческих касаний должно пройти по нему, чтобы на камне остался след... И что должно стрястись, чтобы битый ногами камень мостовой оказался потрясён до глубины души... Это гранитный постамент может вечно помнить удар вражеского железа, мостовые не хранят даже следы бомб. Отремонтировать – и забыть. Хотя рассказыывают, что где-то под многослойным асфальтовым пирогом до сих пор можно найти следы копыт, каких не бывает у живых лошадей. Тётки с совковыми лопатами и мужики в оранжевых дорожно-ремонтных жилетах видели этот след, но среди бела дня не смогли рассмотреть. Что могут совковые тётки? Окажись рядом поэт или художник – он бы разглядел, но художники берегут руки, а поэты слишком субтильны, они не способны взламывать асфальт даже ради единого слова правды. Прозаики исполнены прозы жизни, им не интересен след копыта на камне. Вот и спрашивается, кто мог видеть фантастический след, да ещё и рассказать о нём во всеуслышание? Веры такому фантасту нет, да и прежде не больно

бывало.

А об Авалсе даже легенды не сохранятся. Вот бросится он сейчас в Неву с пролёта сведённого моста – ряби на воде не появится, так и будет река струить свои гексаметры.

Авалс остановился на мгновение, беспомощно огляделся. Место знакомое, они шли здесь не больше получаса назад. Дружно шли, в ногу, всё было привычно и знакомо. Так нет, захотелось дураку самостоятельности, белая ночь в голову ударила, и помчался дурак куда глаза глядят. Теперь кружи бестолково, ищи потерявшегося хозяина. Спрашивается, где его черти носят? Ведь не только Авалс без хозяина пропадёт, хозяину тоже сладко не будет, говорят, от такого и помереть можно. Вот только хозяин пропажи не заметит и искать не станет. И никто не заметит до самого восхода солнца. А уж от солнца не скроешься, оно всё видит. И хозяина, каков он есть, хуже голого, и Авалса, как он без хозяина по улице разгуливает. После этого разговор с преступником будет коротким, а вернее, вовсе никакого разговора не будет. Не останется от Авалса даже пятнышка.

Заметался бестолково, предвидя близкую гибель, вздел руки мелодраматическим жестом. И вдруг, ударя в лоб рукою, охнул от ослепительной догадки, которая не должна была являться в тёмную от природы голову: «Ну с чего он решил, что хозяин станет кружить по старым местам, будто потерялся или потерял что-то важное?.. Ясно ведь, дождался пока мост сведут, тормознул праздную ночную машину и

давно уже дома чай пьёт, а то и без чая, уснул, умаявшись ночными красотами». Домой надо было бежать, там и ждать хозяина!

Помчался что есть сил, прикидывая в уме, сколько времени бежать до дома... через мост, по Литейному, Невский пересечь, что даже ночью небезопасно, по Владимирскому, Загородному проспектам... полчаса бежать, не меньше, а ночи осталось едва пять минут. Раньше, рассказывают, можно было к трамваю прицепиться, проехаться на колбасе, а у нынешних трамваев держаться не за что...

Кретин, какой трамвай в начале четвёртого? – беги давай.

А бежать больше никаких сил нет, набегался за ночь выше всякой возможности, метался, кидался, кружил, как бездомная собака. И вот, пожалуйста, нужно бежать, а ноги как приколотенные. Это в книжках пишут «скользит легко, как тень», а у Авалса сбито дыхание... и хорошо хоть под рёбрами не тянет гнетущая боль – нет у Авалса рёбер. Сил едва хватило Литейный мост перебежать. Нет страшнее мест, чем мост. Там и с хозяином шагать страшновато: того гляди – ухнешь вниз, на текучую воду. Но всё-таки перебежал. И сразу препятствия начались, о которых прежде не думалось. Тени большого города издавна живут сами по себе и здесь, в начале Литейного обосновались едва ли не самые из них мрачные и злобные. Почти у самого моста, пятнает землю огромная тень большого дома. И такое в этой тени встречается, что лучше за три квартала обходить. А он, глупенький,

думал духом пробежать... Даже человек, ежели день туманный, ёжится порой, ударившись взглядом о стену, по-старинному составленную из гранитных плит, переложенных свинцовыми листами. Сейчас так уже не строят, этот дом последний и единственный выстроенный по старым рецептам после революции, из-за которой весь город стал тенью былой столицы. Дом построили большой, и свинца ему не жалели ни для строительства, ни потом для насущных нужд. Невские рыболовы упорно врут, будто самый лучший клёв на спуске у Литейного моста, куда, прикормленные кровью, до сих пор сплываются окуньки и плотва. А прежде, мол, на этом спуске рыбачить не дозволялось, и когда вновь запретят, всякий ловец рыбы без слов поймёт, что это значит.

Авалса заметили, а может быть, на том берегу приземистый дюжий человек, оглядел окрестности со своего броневедомобиля и закричал: «Вот он!» – оставив на Авалса железный палец. И все, сколько ни было в тени большого дома, кинулись на Авалса.

– Стой, контра! Врёшь, не уйдёшь! Петруха, сзаду забегай, сзаду!.. Беглым – пли!

Трах-тарарах-тах-тах-тах!

Очнулся Авалс в переулочке. Долго стоял, дрожа крупной дрожью, тяжело смотрел и дышал, клацал зубами, кривя сведённые судорогой губы. На проспекте продолжалась стрельба; кого-то брали, но здесь было тихо. Вот оно как – бродить по городу бесхозно. Это рядом с хозяином легко сколь-

зить по освинцованной стене, а в одиночку – только покажись, а что случится дальше... узнать узнаешь, но уже не расскажешь никому. Хорошо ещё, что магией эти не владеют, немощно им, а то бы никакого спасения не было городским видениям.

Осторожно ступая, Авалс выбрался на Шпалерную и вновь попал в царство теней, может быть, не столь опасное, но куда как прилипчивое.

Стоял некогда на углу дворец графа Шереметева – основателя и первого начальника добровольных пожарных дружин. Дом не дом, а так – тень дома, там никто не жил, и даже спальни ни единой не было. Особняк для торжественных встреч и приёмов. В следующую эпоху особняк был передан графу Толстому под дом писателей, и там до сих пор елозят тени пьяной советской богемы. Ныне дом полностью принадлежит теням, ибо пожар, произошедший по вине неисправной проводки, выкурил живых писателей из слишком шикарного особняка. Дворец начальника пожарных дружин гореть не хотел, так что услужливой электропроводке пришлось за один месяц трижды ломаться и поджигать обитые камышом стены, прежде чем дом наконец сгорел как следует. И так он это добротнo сделал, что частные фирмы, алчно ожидавшие, когда погорелые литераторы уберутся вон, чтобы приватизировать прокопчѐнные стены, разочарованно отступились. От бывшего дворца остался фасад, скрывающий скверну разрушения. Таких домов в городе немало,

и все они обжиты теньями. Сейчас обитатели литературного склепа толпились на свежем воздухе, догуливая последние минуты белой ночи. При виде Авалса они оживились, хищно предвкушая развлечение. Стрелять они не были приучены, но хватать и не пущать любили издавна и притом владели самым изысканным тенистым колдовством.

– Ход сдох! – голос, неслышимый простому уху, но не утративший барственных обертонов, приковал Авалса к месту, заставив покорно замереть. И сразу сонмы теней окружили его, требуя внимания, почтения и прочтения.

– Ты меня цитируешь? – пытал один.

– Знаешь, кого помнит этот камень? – вопрошал другой, пиная гранит поребрика.

– Кого? – задохнувшись от ужасной догадки переспросил Авалс.

– Меня!

– О, ты туп как путы-то! – осадил соперника тот, что минуту назад приковал Авалса волшебным заклинанием.

– Сам хам! – огрызнулся монументальный, но, не сумев достойно закончить строку, стушевался и ушёл во мрак пустых стен, бормоча что-то о широком махе масс.

– Вой хул – глух, Иов! – язвительно выкрикнул вслед победитель и, повернувшись к недвижному Авалсу, принялся декламировать:

– И крик кирки

Хил или лих,
А рушит тишь. Ура!

Сбоку подсунулся призрак с моднявым абрисом.

– Хит! – возгласил он. – Стон нот стих!

– Чего это они? – не надеясь на ответ, вякнул Авалс.

– Не берите в голову, – неожиданно ответил один из призраков. – Поэты промеж себя разбираются. А тот, что сбегал, и вовсе стихотворец, к тому же – секретарь. А секретарство мстит за себя жестоко, оно чревато деградацией.

– А вы кто?

– Я – писатель, – сказал человечный и добавил с неожиданной грустью: – Тень писателя. Так бывает, живёшь, работаешь и вдруг обнаруживаешь, что ты лишь тень того, что было.

– Отпустили бы вы меня, – пользуясь мгновением, попросил Авалс.

– Куда? Отсюда не уйдёшь. Творчество – сладкий яд, кто раз его испробовал, не сможет стать прежним. Рано или поздно он вернётся в эти стены.

– Нет стен, – возразил поэт.

– Я не Сократ, я не пил яда! – закричал Авалс, но его не слушали. Каждый гомонил своё и о своём.

– Самое прискорбное, – пророчествовала тень писателя, обращаясь в никуда, – это вывод, к которому неизбежно приходит всякий мыслящий человек: миром правит зло, и что

бы мы ни делали, как бы ни старались ради общего блага, зло всегда окажется победителем.

– У раба бар – у!.. пуст суп, худ дух, – подтвердил поэт и добавил прозой: – Но тебя я спасу. Ты будешь моей тенью, и зло не коснётся тебя.

– Я не хочу!

– Да кто ж тебя спросит... – в унисон ответили прозаик и рифмач.

Авалс дёрнулся, но заклинание впечатало его в стену прочней офсетного тиснения.

– Послушивай! – последний раз донеслось с Заячьего острова и замолкло до следующей ночи.

И тут в порыве отчаяния Авалс нашёл выход.

– Не буду! – закричал он и добавил экспромтом рождённое заклинание: – У тени тени нет и нету!

Ноги враз стали проворны, Авалс кинулся наутёк.

– Стой, Отс! – метнул домашнюю заготовку поэт, но поскольку Авалс не имел никакого отношения к артистам оперетты, заклинание не сработало. Домашним заготовкам вообще свойственно подводить авторов. Возможно платонствующая тень, возмечтавшая о собственной тени, сумела бы изобрести что-то покруче, но стихотворец-секретарь, в котором зависть пробудила забытую способность к творчеству, высунулся из ниоткуда и заикаясь вскричал:

– Но! Б-биги, гиббон!

– Ату шута! – взревело благородное собрание.

Авалс бежал быстрее газели, спешащей в родной гараж. Скорее всего ему не удалось бы спастись, но какой-то секретарский подпевала визгнул вслед: «Дёру, урод!» – и преследователи, рассеянные, как все тени, отвлеклись, обрушившись на бездаря, которому теперь до скончания века предстоит носить издевательскую кличку «Урёд». Орфографическую ошибку секретаря деликатно не заметили.

На проспекте тоже продолжали кого-то ловить.

– В ежовые рукавицы его! – доносился крик.

– Ежу – хуже, – пробормотал Авалс и проскользнул незамеченным.

Рассвет пламенеет в полнеба. Свободные тени в такую пору не ходят, одни лишь мороки, порождённые не проснувшимся покуда городом, возбуждают горячую фантазию. Вдали, на той стороне проспекта сверкнул блеск эполет – всё ясно, офицерское собрание, а ныне – дом офицеров эманурует в уличное безлюдье неуспокоенную память. Только сверни туда бесприютная тень, враз узнаешь, кто ты есть перед их благородиями и превосходительствами. Мазурка гремит сквозь закрытые окна, декольтированные дамы выходят из экипажей... Мимо, мимо, взглянуть нет мига!

Улетает Литейный под спешащей ногой. Доходные дома, особняки, департаменты... Вот парадный подъезд института НИГРИ. Сквозь заветные двери доносится рёв зубра мычащего и тяжкая поступь шагающего. Что делать в институтском вестибюле могучим зверям? Только стоять около

двери, криком отпугивая нежелательных просителей. Почерневшие оборванные поисковики толкуются у запертого входа. Держись, геолог, там ждут грандов – или гранты? – тебя там никто не ждёт, и тебе оттуда ждать нечего.

– Суди его бог, – произносит одетый в выштопанную штормовку призрак и, разведя безнадёжно руками, исчезает, не оставив по себе следа.

Целое мгновение Авалс не мог понять, что происходит, и этот миг, бесконечно растянувшийся между былым и грядущим, едва не погубил его. Ночь кончилась, уже не свет грядущего дня, а само солнце явилось сквозь разорванный ветром горизонт. Стройные громады теснящихся домов покуда скрывали его, но всякому ясно, что бездомной тени на улице не выжить. Авалс непристойно визгнул, метнулся в сумрак подворотни и в панике полез под мусорный бак, воняющий резедой и квашеной капустой. Хорошо всё-таки, что позади всякого парадного подъезда прочервоточен чёрный ход, и любой фасад скрывает двор-колодец, куда выходят окна кухаркиных комнат.

– Тише ты, оглашенный, – прошелестел голос. – Осторожнее лезь, всё лицо обтоптал.

Осмотревшись в ненадёжном убежище, Авалс обнаружил две бомжеватого вида тени. Были они так потрёпаны, что и облика не сохранили, от прежних людей остались комки не то серости, не то сырости. Одна, чуть угловатее, видимо принадлежала когда-то человеку видному, по меньшей мере

внешне. Другая – вовсе плюгавенькая. Именно плюгавый и жаловался, что ему обтоптали давно потерянное лицо.

– Новенький, – сказал он. – Ну, давай, устраивайся. Ишь ты, свежачок какой! Хозяину, что, по старинке финский нож в селезёнку саданули? Или он у тебя из новых – на киллера угадал? Теперь это часто случается.

– Жив хозяин! – Авалс с трудом сдержал рвущиеся из груди рыдания. – Это я потерялся. Погулять отошёл – и вот...

– Серьёзно... – словоохотливый призрак присвистнул. – Влип ты, парень, как роза в уличную грязь.

– Мне бы домой...

– Какое – домой? Ты наружу-то высунься. Тебя там в такие нежные цвета раскрасит – родная мама не узнает. Так что сиди и не чирикай.

– Нож в селезёнку, – с запозданием подал голос угловатый, – варварство! Кровь в брюшной полости, требушина, считай, вся испорчена. Зарез для чего существует, а? Ножичком по горлу чикнул, тушу попридержал слегка, пока трепыхаться перестанет, и кровь в тазик – на колбаску. Тазик надо заранее припасти. Мясо тогда чистое, хоть космополиту на кашрут.

– Вы резником работали? – вежливо спросил Авалс.

– Мясником в Кулаковском магазине, – с гордостью ответил угловатый.

– Он тенью работал, – поправил плюгавый, – а хозяин его работал палачом. Такое частенько бывает: хозяин темнее те-

ни, а тень у него – очень приличный человек. Некоторые даже уходят от своих хозяев. Про тех, кто без тени остался, говорят: нежить, мол, упырь, у живых людей кровь сосёт. Если имплицитно судить, то и впрямь сосёт, а то и вёдрами хлещет. А что нежить – так это неправда. Просто у тени совести больше оказалось, чем у живого человека. А наш приятель, хоть и совестлив, а сбежать не решился, до последнего хозяину служил, и только сейчас у него мания грандиоза прорезалась, мясником себя вообразил.

Авалс покосился на незнакомые слова, но вопрос задал такой, чтобы ответ получить понятный.

– Он, что, так и был палачом? С наострѣнным топором и в красной рубахе?

– Сим даётся ответ вопросный: кого считать палачом? Красная рубашка, может, и была, – его хозяин на гармошке играть любил. А что за гармонист без красной рубахи? А вот насчёт топора ты лишку хватил. Топоры сейчас не в моде, у современных процентщиц охрана такая, что топором не домахнёшь. Теперь у палачей методы другие. В начале проспекта дом стоит большой – видел? Что там творилось в недавние годы – расчухал? То-то и оно...

– Он там служил? – Авалс отодвинулся от страшного соседа, едва не высунувшись на свет.

– Он служил тенью. И хозяин его там не служил. Он приказы отдавал, а те исполняли.

– Соколок тоже надо уметь нарубить, – тянул своё угло-

ватый. – Грудиночку тонкими полосками, грамм по триста – старушкам на щи, а ближе к зарезу пласт по три сантиметра делай, чтобы в один вес и мяска, и жирка, и грудинной косточки. Соколочок по полтора фунта рубится, хорошей семье на борщ. А то взяли моду – мякотный кусочек, а к нему кости довесок. Я бы таких рубщиков своими руками...

– Молчал бы лучше! Ты и без того своими руками такого понатворил и снова старую музыку заводишь... гармонист!

– Музыка – мура! – отрубил палач-мясник.

– Индийскую столицу забыл, – непонятно подначил щуплый.

– Чево?

– Музыка, как ты верно заметил, – мура, но ещё и столица Индии. Ну что, вспомнил такого, гармонист?.. А ты что варезку разинул? – прикрикнул он на Авалса. – Шарад никогда не разгадывал? Ты смотри, дурака этого держи, а то до него сейчас дойдёт, так он с тоски на солнечный свет выброситься может. О, гляди, гляди, дошло!

– Чего вы все разговариваете ребусами, шарадами и... этими... палиндромами? – спросил Авалс, удерживая от самоубийства слабо рыпающегося мясника. – Я, конечно, это дело тоже люблю, а среди людей такие вещи редкость.

– Так то среди людей. А мы – тени. Тень по определению палиндромична и негативна. Привыкли всё воспринимать задом наперёд и в тёмном свете. Ясно?

– Какое ясно, если он тень? – неожиданно спокойно про-

изнёс мясник. – Тёмно ему.

– А-а! – протянул Авалс, – вот в чём дело! А я-то думаю: вроде бы писатель, с которым я недавно разговаривал, и умница, и добрый человек, а такую ересь несёт – миром, мол, правит зло!

– Тень писателя, – поправил щуплый. – Книги его раскрой, там, небось, совсем иное сыщется. Негативизм – по сути дела тот же палиндром; живым был – говорил «ха-ха!», тенью стал – «ах-ах!» затынул.

– А разве не зло правит миром? – спросил мясник. – Все мы на колоде лежим да разруба ждём.

– Нет в мире зла! – убеждённо воскликнул Авалс. – Конечно, солнце нас убивает, и всё же оно не зло, ведь без него и теней не будет. Знаете, как здорово в солнечный денёк пройтись по улице рядом с хозяином! – Авалс поник и захлюпал носом.

Всё-таки плохо быть двумерным, – никакой глубины чувств... начал во здравие, а кончил за упокой. И суждения теней порой бывают плоски, хотя этим и люди грешат.

– Так-то, – сказал тщедушный, – диалектика-с. Вот мы с вами сидим, культурно о жизни беседуем, а тут в город заявится какая-нибудь шишковатая особа, в честь её проезда устроят большую уборку, начнут, между прочим, безо всякого злого умысла, наш бак вне графика вывозить, и всё – понеслась душа в рай!

– У теней душа есть? – спросил Авалс.

– Нету. Её и у настоящих людей не сыскать.

Разумеется это сказала тень палача. Хозяин её за долгие годы порешил немало людей, но ни в одном души разглядеть не сумел.

– Сложный вопрос... – философствующий хлюпик не был столь категоричен. – Я чувствую в себе душу, так что чисто онтологически она должна быть. И вообще, дум спиро – сперо. С другой стороны, раскидать сейчас вмещающий помойный ландшафт – сопрёт твоё спиро в зобу – вот и вся радость. А с третьей стороны – ибо у всякой медали не менее трёх сторон, – иные из нашей братии в жизни устроились прочно, можно сказать, на века. Впрочем, расскажу-ка я вам историю, пока делать всё равно нечего... – рассказчик кинул взгляд из помойки наружу, где уже вовсю бушевало солнечное утро, выбрал себе местечко посуше и, удостоверившись, что слушатели внимают с достаточным почтением, начал рассказ: – Кому как не вам знать, что люди бывают разные. Иной так прославится, что ему при жизни памятник ставят. Частенько, при этом, бывает, что как скончается знаменитость, то монумент быстренько сносить начинают, чтобы на земле и тени не осталось от бывшего любимца. Но в тот раз памятник ставили и впрямь по заслугам. Поэту. Большому поэту, настоящему, не чета тем, чьи тени ты видел. Разумеется, тень у такого поэта должна быть бронзовая. К тому же, юбилей подоспел: сто лет со дня смерти. В ту пору вот он со товарищи у власти были, – рассказчик кивнул на со-

седа. – Ежели не знаешь, то выражение «со товарищи» означает: «всей бандой». Вообще, тюркское слово «товарищ» в русском языке имело два значения. Это или компаньон, с кем одним товаром торгуешь, или подельщик – член той же разбойничьей шайки, что и ты. Хорошее слово, ёмкое. Какие бы значения оно потом ни принимало, всё равно заранее известно, что если власть у товарищей в руках, ничего, кроме грабежа, не получится.

– Вы, кажется, отвлеклись, – напомнил Авалс. Слишком часто приходилось ему слушать в транспорте разговоры о всеобщем грабеже.

– Нет, не отвлёкся. Это было лирическое отступление. Растёкся мыслию по дереву, а сейчас назад стекуюсь. Так вот, поэтов наш друг любил ещё меньше, чем композиторов. Чуть увидит поэта, сразу норовит постановлением пришибить. Но тут иное дело – юбиляра уже сто лет как пристрелили. Радость-то какая! И поэтому надо памятник ставить поэту тому...

Авалс насторожился, не палиндромами ли зашаманил рассказчик, но нет, всё спокойно: обычная паразитная рифма, в прямой речи вполне допустимая.

– Поставили памятник на площади между музеем и филармонией. Удачно получилось, на одной площади все искусства собрались. Стоит поэт как живой: молодой, красивый, радостный. Горожане им любят, а он, солнце поэзии, ясное дело, солнце застит в ясный день, тень отбрасы-

вает по площади. Всем хорошо, а тени какво? Ни позу переменить, ни руку опустить – беда да и только. Год памятник стоит, и десять, и сорок, так что уже новый юбилей близится. Сам поэт столько не жил, а тень всё ползает округ пьедестала прочь от солнца. И вот однажды белой ночью снялась она с места, навроде тебя, и поползла напрямиком к скульптору, что сорок лет назад памятник отливал.

– Тень?.. К живому человеку?.. – ужаснулся Авалс. – Да разве такое возможно?

– А это смотря к какому человеку. Бывают люди, у которых глаза и душа так устроены, что они не только тени видят, но и многое иное. Скульптор как раз из таких был. Выслушал он беглянку и отлил её в бронзе, чтобы стояла она как вздумается и смотрелась сама по себе. На первом-то памятнике поэт молодой и весёлый, а на втором – доживает последние дни и исполнен скорби. Настоящий памятник руку простёр, а тень уронила руки бессильно, немощная бороться с судьбой. С какой стороны ни взгляни, тень она и есть тень. Закончил художник работу и хотел поставить новую фигуру на том месте, где полтора века назад застрелили поэта. Ан, не тут-то было! Тень хоть и в металле отлита, а тенью осталась. Как услышала, что ей на свет явиться пора, задрожала, заметалась, только что не заголосила. Солнца, вишь, испугалась. Не могу, говорит, на солнце показаться, оно меня сожжёт. Скульптор и успокаивал, и упрашивал, и грозил тень в переплавку сдать, – та ни в какую. А скульптор старый, ему вол-

новаться вредно. Короче, махнул он рукой и поставил монумент там, где солнца вовек не бывало и быть не могло. Под землёй поставил, на самой что ни на есть метровой глубине. Второго подобного памятника нету, чтобы подземным был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.